

Фокина Виктория

Десятиэтажка

Виктория Фокина

Девятиэтажка

<https://litres.ru/74174612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайны многоквартирного дома сплетаются из гула лифтов и шепота за стенами. Каждый этаж – отдельная вселенная, со своими созвездиями судеб и личными драмами. За дверью с поцарапанной краской может скрываться художник-затворник, чей гений признают лишь посмертно. На балконе, увитом плющом, одинокая пенсионерка подкармливает голубей, храня в памяти ушедшую эпоху.

Общие коридоры – безмолвные свидетели радостей и горестей. Здесь слышны топот детских ног, предвкушающих каникулы, и приглушенные рыдания влюбленных после ссоры. Подъезд, пропахший хлоркой и чужими обедами, – это микрокосм, где сталкиваются амбиции и разочарования, мечты и рутина.

А на крыше, откуда открывается панорама города, можно почувствовать себя немного ближе к звездам, забыв о суете многоквартирной жизни. Здесь, под сенью антенн и дымовых труб, стираются границы между личным и общим, между реальностью и призрачным миром городских легенд.

Виктория Фокина

Девятиэтажка

1 глава

Девятиэтажка

Девятиэтажка — это вертикальный срез социума, где каждый этаж хранит свои тайны и иллюзии.

Тайны многоквартирного дома сплетаются из гула лифтов и шепота за стенами. Каждый этаж – отдельная вселенная, со своими созвездиями судеб и личными драмами. За дверью с поцарапанной краской может скрываться художник — затворник, чью гениальность признают лишь посмертно. На балконе, увитом плющом, одинокая пенсионерка подкармливает голубей, храня в памяти ушедшую эпоху.

И всё же дом дышит единым ритмом. Глухие ночные скандалы из квартиры №54 эхом отдаются в бессоннице недавно переехавшей пары на четвёртом. Запах яблочного пирога из общедомовой духовки на кухне пятого этажа, словно невидимая нить, соединяет всех, кто сегодня грустит. Даже непримиримые соседи, спорящие о месте для колясок, каждое утро незримо синхронизируют свои жизни, слушая через стену одну и ту же утреннюю радиопередачу.

Истинная же магия дома кроется не в этих параллельных мирах, а в редких точках их пересечения. В лифте, застревающем между пятым и шестым этажами, вдруг оказываются вместе консервативный бухгалтер и юная татуированная музыкантша. В тишине пятиминутного плена исчезают социальные маски, и рождается странный, хрупкий диалог о страхе высоты и любимых книгах детства. А на общей скамейке у подъезда по вечерам возникает импровизированный клуб: ветеран, подросток с гитарой и молодая мама с коляской обсуждают всё на свете — от космоса до стоимости коммуналки.

Дом хранит не только тайны, но и ключи к ним. Старый чердак, заваленный хламом поколений, — это архив забытых надежд. А затопленный подвал, куда спускаются лишь самые отважные, помнит шепот первых жильцов и сокровенные признания, вверенные сырým стенам. Это живой организм, где стены впитывают смех и слёзы, а лестничные пролёты годами помнят шаги тех, кто уже никогда не поднимется на свой этаж. И, возможно, главная тайна этого дома в том, что, несмотря на кажущееся одиночество клеток-квартир, он остаётся единым целым — сложным, дышащим, вечным свидетелем человеческого бытия.

Общие коридоры – безмолвные свидетели радостей и горестей. Здесь слышны топот детских ног, предвкушающих

каникулы, и приглушенные рыдания влюбленных после ссоры. Подъезд, пропахший хлоркой и чужими обедами, — это микрокосмос, где сталкиваются амбиции и разочарования, мечты и рутина.

А на крыше, откуда открывается панорама города, можно почувствовать себя немного ближе к звёздам, забыв о суете многоквартирной жизни. Здесь, под сенью антенн и дымовых труб, стираются границы между личным и общим, между реальностью и призрачным миром городских легенд. Ветер здесь другой — он не петляет в бетонных каньонах улиц, а гуляет на свободе, срывая с души накопившуюся пыль повседневности.

Это запретное, общее для всех и ничье пространство. Подростки тайком пробираются сюда, чтобы выкурить первую сигарету и помечтать вслух. Влюблённые ищут уединения среди гравия и старых кабельных катушек, их тихие слова уносит в чёрное бархатное небо. А одинокие мечтатели приходят встречать рассвет, наблюдая, как город просыпается — сначала редкими жёлтыми точками окон, затем рокотом мусоровозов и, наконец, целой симфонией начинающегося дня.

Именно на крыше дом сбрасывает свою утилитарную оболочку и становится кораблём. Трубы — его мачты, ряды антенн — радарные установки, а мерцающие огни города

— бескрайнее море, по которому он плывёт сквозь время. Здесь можно услышать, как старый дом поскрипывает швами, как стынут его кирпичные бока, и понять, что он — не просто скопление квартир, а живое существо с собственной памятью и душой. Здесь, на границе земли и неба, все личные драмы кажутся меньше, а звёзды — чуть доступнее, напоминая каждому, что даже в самом тесном переплетении судеб есть место для тишины и бесконечности.

В полумраке подвала, куда редко заглядывает солнце, кипит своя жизнь. Здесь, среди паутины и старых труб, обитают тени прошлого. Забытые вещи, сломанная мебель, выброшенные надежды — все это находит свое пристанище в этом подземном царстве. Ходят слухи о бездомном коте, ставшем хранителем подвальных секретов, и о старике, который каждую ночь спускается сюда в поисках потерянных сокровищ.

Иногда, в тишине ночи, можно услышать странные звуки, доносящиеся из пустующей квартиры на последнем этаже. Говорят, что там обитает призрак бывшей жительницы, несчастной актрисы, чья карьера трагически оборвалась. Она все еще репетирует свои роли, ее голос эхом разносится по пустым комнатам, напоминая о нереализованных амбициях и разбитых сердцах.

Девятиэтажка — это вертикальный срез социума, где каждый этаж хранит свои тайны и иллюзии.

В этих бетонных джунглях, где балконы смотрят друг на друга, как глаза разных поколений, разворачиваются исто-

рии о любви, утратах, надеждах и разочарованиях. Девятиэтажный дом – это не просто место жительства, а миниатюрная модель общества, где каждая квартира – отдельный микрорайон со своими правилами и законами.

Лифт, как артерия, соединяет все этажи, перенося жильцов из одной реальности в другую. Здесь встречаются разные судьбы, пересекаются интересы и рождаются новые связи. А гул трансформаторной будки за домом напоминает о неустанном течении времени, которое неумолимо движется вперед.

Вечерами, когда в окнах загораются огни, девятиэтажка превращается в мерцающий город, полный секретов и загадок. Каждый свет – это отдельная история, отдельная жизнь, отдельная мечта. И вместе они создают неповторимый образ этого бетонного колосса, который стал частью нашей повседневной жизни.

Девятиэтажный дом – это памятник эпохе, символ массовой застройки и свидетельство перемен, которые происходили в нашей стране. Он стоит, как безмолвный наблюдатель, впитывая в себя шум улиц и голоса людей, храня в своих стенах память о прошлом и надежду на будущее.

Жизнь в многоквартирном доме – это калейдоскоп человеческих историй, переплетающихся друг с другом, как нити в старом гобелене. Каждый житель – это отдельный узор, со своими красками и оттенками. Вместе они создают неповторимую картину, отражающую все многообразие челове-

ческой природы.

Многоквартирный дом – это целый микрокосм, спрессованный в бетонные стены и пронизанный лабиринтом коридоров. Здесь за каждой дверью кипит своя, отдельная жизнь, окутанная завесой тайны и полутонов. Словно страницы романа, квартиры нанизаны одна за другой, рассказывая свои истории шепотом сквозняков и приглушенными звуками, просачивающимися сквозь перекрытия.

В этом муравейнике страстей, надежд и разочарований каждый обитатель – главный герой собственной драмы. Кто —то ищет уединения и тишины, кто—то, напротив, жаждет общения и соседского тепла. Но всех объединяет одно – общая крыша над головой и невольное соседство, которое порой порождает странные, необъяснимые ситуации.

Загадки многоквартирного дома множатся с каждым новым жильцом, с каждым новым ремонтом, с каждой новой сменой лампочки в подъезде. Что скрывают запертые двери? О чем шепчутся стены? Какие тайны хранит подвал, и кто оставляет странные рисунки на лифте? Ответы на эти вопросы ускользают, растворяясь в гулкой тишине ночи и в шуме утренней спешки.

Этот дом – живой организм, пульсирующий ритмом жизни своих обитателей. Он свидетель множества событий – радостных и трагичных, смешных и печальных. Он помнит все, но никому не расскажет. И потому он навсегда останется хранителем бесконечных загадок, пленником своих стен

и своих жильцов.

Но порой, среди этой пестрой мозаики, возникает ощущение одиночества и отчуждения. Люди живут бок о бок, но часто не знают ничего друг о друге. За стенами квартир скрываются личные трагедии и триумфы, мечты и разочарования, о которых никто не подозревает. И только гул лифта, и шепот за стенами напоминают о том, что мы не одни в этом огромном муравейнике.

Это зеркало города, отражающее его проблемы и надежды. Это место, где рождаются и умирают, любят и ненавидят, мечтают и разочаровываются. Это микрокосмос, в котором можно найти все, что угодно, от высокой трагедии до комичной зарисовки из жизни простых людей. И каждый, кто живет здесь, вносит свой вклад в создание этой уникальной и неповторимой атмосферы...

Дом высился над городом, словно одинокий страж, облаченный в бетон и стекло — с одной квартирой на этаже — это не просто жилье, это манифест, заявление о приватности, о личном пространстве, возведенном в абсолют. Фасад его был строг и минималистичен, лишен вычурных деталей, но поражал воображение своими масштабами и геометрической четкостью. Огромные окна, занимающие всю стену каждой квартиры, отражали небо, заставляя дом то сливаться с облаками, то мерцать огнями заката.

Подъехать к нему можно было по тихой улочке, отгоро-

женной от городского шума зелеными насаждениями. Лобби встречало немногочисленных посетителей прохладной элегантностью: полированный камень, приглушенный свет, произведения современного искусства, тщательно подобранные и расставленные так, чтобы не нарушить атмосферу сдержанной роскоши.

Внутри каждой квартиры, занимающей целый этаж, открывался свой мир. Пространство, организованное по индивидуальному проекту, отражало вкусы и предпочтения хозяина. Здесь могли быть огромные гостиные с панорамными видами, библиотеки, наполненные редкими изданиями, домашние кинотеатры, оборудованные по последнему слову техники, или зимние сады, утопающие в зелени экзотических растений.

Безопасность была продумана до мелочей: биометрические сканеры, системы видеонаблюдения, бронированные двери и окна. Но главное, что дарил этот дом – чувство уединения и покоя, возможность отгородиться от внешнего мира и насладиться тишиной и красотой, царящими внутри. Каждый этаж – это свой собственный, неприступный остров, парящий над суетой большого города.

Этот дом – не просто место жительства, это символ статуса, выражение философии жизни, где ценятся приватность, комфорт и возможность окружать себя только самым лучшим.

Он как будто говорит: "Здесь живет человек, который до-

стиг всего, о чем мечтал".

Может в каждой семье будет жить, точнее существовать погибший человек, из—за которого всё портится? Вопрос, который, кажется, преследует человечество с момента осознания смертности. Тень утраты, как бы мы ни старались ее изгнать, упорно возвращается, окрашивая настоящее сквозь призму прошлого. И дело не только в физической смерти. Умершие мечты, нереализованные надежды, разорванные отношения – всё это тоже порождает своих «погибших» внутри семейных очагов, отравляющих атмосферу своим незримым присутствием.

Смерть, особенно внезапная или трагическая, оставляет зияющую брешь в ткани семьи. Разговор о покойном может стать табу, воспоминания – сокровищем, которое боятся потревожить, опасаясь обрушить поток боли. Имена шепчут вполголоса, а фотографии прячут в дальние углы, словно сама память способна причинить вред. В итоге, формируется незримая стена между теми, кто помнит и теми, кто не знал; между прошлым, которое нельзя отпустить, и настоящим, которое невозможно полноценно прожить.

Иногда «погибший человек» — это не конкретный индивид, а утраченная версия живого. Человек, сломленный болезнью, жизненными обстоятельствами или собственными ошибками, перестает быть тем, кого любили и знали. Остается лишь тень, напоминание о былом великолепии, вызыва-

ющая смесь жалости и разочарования. В таких случаях, горевание растягивается на годы, превращаясь в хроническую боль, пронизывающую каждый день.

Память – сложная и порой жестокая вещь. Она может возвеличивать прошлое, идеализировать умерших, стирая недостатки и преувеличивая достоинства. В результате, живые оказываются в тени идеализированного образа, ощущая собственную неполноценность и неспособность соответствовать несбыточным ожиданиям. Сравнения, пусть и негласные, отравляют отношения, порождая ревность к прошлому и обиду на настоящее.

Чтобы изгнать этого «погибшего человека» из своей семьи, необходимо научиться говорить о потере открыто и честно. Признать боль, не заглушать воспоминания, а наоборот, делиться ими. Позволить себе грустить, не винить себя за слабость, и постепенно, шаг за шагом, строить новую жизнь, не забывая прошлого, но и не позволяя ему определять будущее. Только так можно освободиться от тени утраты и позволить жизни восторжествовать над смертью.

2 глава

Первый этаж

Первый этаж – это фундамент мечтаний, особенно, если они устремлены ввысь.

Первый этаж дома – это всегда немного про землю, про

корни, про связь с реальностью. Он дышит ароматами сада, слышит шепот прохожих, ощущает вибрацию жизни улицы. Это не высота птичьего полета, где все кажется игрушечным и далеким, а пристальный взгляд на детали, на повседневность, на то, из чего складывается наша жизнь. Именно на первом этаже рождаются самые теплые воспоминания – запах свежее испеченного хлеба из кухни, смех детей, играющих в гостиной, вечерние разговоры у камина.

Здесь нет иллюзии отрыва от мира, здесь все настоящее, осязаемое, близкое. Первый этаж – это якорь, который удерживает нас в моменты взлетов и падений, напоминая о том, что истинная ценность заключается в простых вещах: в семье, в друзьях, в уюте родного дома. Он словно приглашает замедлиться, прислушаться к себе и окружающему миру, почувствовать себя частью чего-то большего.

Это пространство, где встречаются разные поколения, где традиции передаются из рук в руки, где формируются семейные ценности. Первый этаж – это колыбель истории, которая пишется каждый день, каждой минутой, каждым мгновением, проведенным вместе. Он хранит секреты, помнит радости и печали, является свидетелем взросления и старения.

Поэтому, когда в следующий раз будете проходить мимо дома, обратите внимание на первый этаж. Постарайтесь увидеть за окнами не просто стены и мебель, а жизнь, бьющую ключом, надежды, которые возлагаются, и мечты, которые воплощаются в реальность. Ведь именно там, у самого осно-

вания, начинается настоящая история дома...

Одиночество Вероники было сродни тщательно отшлифованному камню – гладкому, прохладному и неуклонно присутствующему. Она научилась его принимать, даже ценить, как надежного, хотя и молчаливого спутника. В ее жизни не было ни громких ссор, ни бурных примирений, только тихий шелест страниц любимых книг и мерное тиканье часов, отсчитывающих неумолимое течение времени. Одиночество не было для нее наказанием, скорее, осознанным выбором, убежищем от суеты и фальши окружающего мира. Вероника находила утешение в простых вещах: в аромате свежесваренного кофе, в мягком свете утреннего солнца, пробивающегося сквозь занавески, в мелодиях старых пластинок, звучащих из проигрывателя.

Она не боялась оставаться наедине со своими мыслями, не стремилась заполнить пустоту бессмысленными разговорами или мимолетными связями. Вероника понимала, что истинная близость – это не физическое присутствие, а глубокое взаимопонимание, которое встречается крайне редко. Поэтому она предпочитала довольствоваться обществом своих книг, которые были для нее не просто источником знаний, но и верными друзьями, готовыми выслушать в любое время суток.

Иногда, конечно, накатывала тоска, особенно в дождливые вечера, когда за окном завывал ветер. Тогда Вероника

доставала старый фотоальбом и пересматривала снимки из прошлой жизни, вспоминая лица и события, которые, когда—то казались важными и значительными. Но даже в эти моменты она не чувствовала себя несчастной. Она знала, что жизнь — это череда потерь и приобретений, и что одиночество — это всего лишь одна из ее граней, которую нужно научиться принимать и понимать.

Вероника научилась видеть красоту в тишине и покое, в возможности посвятить время себе и своим увлечениям. Она плела кружева слов в стихах, расцвечивала мир нежными акварелями, укрощала ум в позах йоги и растворялась в безмолвии медитации. Не покидая стен родного дома, она открывала неизведанные вселенные, странствовала по красочным страницам книг и полотен, ныряла в бездонные глубины собственного "Я". И в этом сладостном одиночестве обретала ту ускользающую свободу, которую так долго и трепетно искала. Ее дом был коконом, сотканным из тишины и света.

Сквозь витражные стекла просачивались солнечные лучи, играя на пылинках воздуха, словно крошечные феи. В этом танце она видела отражение вечности, беспрестанное движение и перемену, заключенные в мгновении. Время теряло свою власть, растекаясь тягучим медом по стенам, напоминая о том, что настоящее — это единственная реальность. Вечерами, когда солнце начинало клониться к закату, она зажигала свечи, и их мягкий свет заполнял комнаты теплом и

уютом. Она любила сидеть в кресле у окна, наблюдая, как меняются краски неба, как тени становятся длиннее и гуще. В эти моменты она чувствовала себя частью чего—то большего, частью вселенной, которая дышит и живет по своим непостижимым законам. Звуки города доносились до нее приглушенно, словно далекое эхо, напоминая о том, что жизнь продолжается за пределами ее кокона.

Иногда к ней приходили гости. Друзья, коллеги, просто знакомые, ищущие тепла и участия. Они удивлялись ее спокойствию и умиротворенности, ее умению наслаждаться жизнью без суеты и драматизма. Они пытались вовлечь ее в свои бурные истории, в свои страсти и переживания, но Вероника оставалась невозмутимой, как скала, о которую разбиваются волны. Она слушала их с интересом, но не позволяла себе погрузиться в их мир, потому что знала, что ее собственное одиночество – это ее крепость, ее убежище, ее свобода.

Она всегда была рада их видеть, угощала чаем с медом и свежей выпечкой, внимательно слушала их рассказы и делилась своими мыслями. В ее доме находили приют те, кто нуждался в поддержке и понимании. Она умела видеть в людях хорошее, умела вдохновлять и вселять надежду.

Однажды, молодая девушка, начинающая поэтесса, пришла к ней с робкой просьбой оценить ее стихи.

-

Здравствуйте! Простите за беспокойство...Мы созванива-

лись. Я слышала о вас как о талантливом поэте, и... мне бы очень хотелось услышать ваше мнение о моих стихах.

— Приветствую, Ольга! Не стесняйтесь, приходите. Давайте почитаем ваши строки. Я буду рада помочь Вам.

Вероника начала читать стихи начинающей поэтессы с дежурной улыбкой. Такие мероприятия – обязательная часть ее работы в литературном журнале. Молодые дарования пробивались сквозь тернии редакционных будней, надеясь на благосклонность именитых критиков. Вероника, в свою очередь, старалась быть справедливой, отыскивая искры таланта даже в самых неуклюжих строчках. Но иногда, признавалась она себе, это было сродни поиску золота в речном песке.

Первые строки не зацепили. Банальные рифмы, избитые метафоры, попытки объять необъятное, выразить вселенскую тоску словами, которые звучали как эхо чужих переживаний. Вероника машинально кивала, пролистывая страницу за страницей. В голове крутились собственные мысли о невычитанных рукописях и предстоящей встрече с главным редактором.

Но потом что—то изменилось. В одном из стихотворений промелькнула неожиданная, свежая метафора. В другом – чувствовалась неподдельная боль, не наигранная, а прочувствованная до кончиков пальцев. Вероника остановилась, перечитала строчки еще раз. В них было что—то, что заставило ее отвлечься от рутины и прислушаться к голосу, доносящемуся со страниц.

Постепенно дежурная улыбка сменилась искренней заинтересованностью. Вероника углубилась в мир молодой поэтессы, в ее сбивчивые, но искренние признания, в ее попытки выразить то, что словами выразить почти невозможно. В ее стихах чувствовался юношеский максимализм, наивность, но и неподдельная страсть к жизни, к любви, к поиску себя.

Вероника отложила рукопись. Ей захотелось поразмышлять, переварить прочитанное. Возможно, это и не шедевр, но в этих стихах определено, что—то было. Что—то, что заслуживало внимания. Что—то, что могло вырасти во что—то большее. Вероника нахмурилась, обдумывая рецензию. Ей предстояло найти правильные слова, чтобы поддержать начинающего автора и направить её талант в нужное русло.

— Ах, какие трогательные образы... Вижу искренность и душу в каждом стихе.

— Спасибо вам! Это так важно для меня... Но я знаю, что у меня есть куда расти. — опутив глаза на рукопись тихо проговорила Ольга.

— Конечно, у каждого есть путь развития. Например, в этих стихах замечательное настроение, но ритм немного неровен. Попробуйте работать над рифмой и просодией. Здесь, например, можно использовать аллитерацию для усиления эффекта.

— Аллитерация... Никогда не обращала внимания на это. А как вы считаете, стоит ли мне уделять больше времени ме-

тафорам?

— Да, метафоры – это ключ к сердцу читателя. Они придают глубину вашим образам. Но помните, они должны быть органичными и понятными. Еще отмечу, что иногда ваши сравнения кажутся несколько избитыми. Попробуйте искать новые, неожиданные сочетания.

— Понятно... Значит, нужно больше экспериментировать и читать классиков?

— Именно! И еще одно важное замечание: старайтесь избегать излишней описательности. Иногда лучше оставить место для читательского воображения. Помните, что меньше может быть больше.

— Это как золотой закон! Как же здорово, что вы так подробно все объясняете..., могу ли я задавать вопросы, если что—то будет непонятно?

— Конечно, Ольга! Поэзия – это дорога, по которой мы идем вместе. Если хотите, могу предложить вам свои книги для вдохновения или даже совместные чтения. Главное – не останавливаться на достигнутом и продолжать развиваться. Кстати, когда находите вдохновение, старайтесь записывать его сразу, не откладывая. Часто именно в эти моменты рождаются самые яркие идеи. Также полезно вести дневник наблюдений: природа, люди вокруг, даже мелочи повседневной жизни могут стать источником вдохновения.

— Это прекрасная мысль! У меня есть небольшой блокнот, где я иногда записываю мысли и впечатления... Надо

будет чаще туда заглядывать.

— Вот это правильный подход! Еще один совет: попробуйте читать свои стихи вслух перед зеркалом или друзьям. Это поможет понять, насколько естественно звучит ваш текст, и выявить возможные шероховатости.

— Обязательно попробую! Еще раз спасибо за ценные советы и поддержку. Кажется, теперь у меня появилось гораздо больше уверенности в своих силах.

— Великолечно, Ольга! Помните, настоящий талант требует терпения и настойчивости. Не бойтесь ошибок, ведь они делают нас сильнее. Через год или два вернитесь ко мне, и мы снова обсудим ваши достижения. Надеюсь, увидеть вас среди ярких поэтов нашего времени.

— С этим обещанием я точно никуда не денусь! До скорой встречи, и спасибо еще раз за все.

— До скорой встречи, Вероника. Пусть каждый день приносит вам вдохновение и радость творчества!

— Вы просто спасли мой творческий путь! Буду стараться и обязательно вернусь за советом. Спасибо огромное!

Вероника закрыла за девушкой дверь и тихо вздохнув, отправилась на кухню, чтобы сварить кофе и вновь уйти в свой мир. Такое краткое общение было для неё лишь работой, которую она любила, но совершенно не вкладывала свою душу — она просто стала роботом без отдачи себя другим. Она горела лишь для себя...

Так и текла ее жизнь, наполненная тишиной и светом, творчеством и общением, любовью и состраданием. Ее дом оставался ее коконом, ее убежищем, ее крепостью, но он был открыт для тех, кто искал в нем утешение и вдохновение. Она знала, что истинная красота жизни заключается не в бегстве от мира, а в умении найти гармонию внутри себя и делиться ею с другими. И в этом она видела свое предназначение.

Каждый предмет в ее доме был наполнен историей и смыслом. Старинный комод, доставшийся от прабабушки, хранил ароматы лаванды и воспоминания о давно ушедших днях. Фарфоровая чашка, подаренная другом—художником, согревала руки и душу теплом его дружбы. Книги на полках, словно верные спутники, шептали на разных языках о мудрости и красоте мира.

Иногда, в часы особого вдохновения, она садилась за старый письменный стол и позволяла словам струиться из—под пера, словно горный ручей. Они сплетались в причудливые узоры, рассказывали о любви и печали, о надежде и вере, о вечном стремлении человека к свету. Ее стихи были окнами в другие миры, где царили гармония и красота, где каждый мог найти утешение и вдохновение.

Но даже в этой сладостной изоляции она не забывала о мире за стенами ее дома. Она следила за новостями, сочув-

ствовала чужой боли и радовалась чужому счастью. Она понимала, что истинная свобода – это не бегство от мира, а умение принять его во всей его сложности и противоречивости, оставаясь верной себе и своим идеалам. И в этом парадоксе она находила ту самую ускользающую гармонию, которую так долго искала.

Ее квартира на первом этаже девятиэтажки с лепниной и витражами, казалось, дышала вместе с ней. В высоких потолках эхом отзывались ее шаги, а сквозь тяжелые шторы пробивался приглушенный свет фонарей, создавая причудливые тени на книжных полках. Запах старого дерева и пыли смешивался с тонким ароматом ванили, исходящим от свечей, расставленных на каминной полке. Она любила этот приглушенный полумрак, он обволакивал ее, словно кокон, защищая от внешнего мира с его шумом и суетой. Здесь, в этом убежище, она могла быть собой, без масок и притворства.

Она подошла к окну и отдернула штору. За стеклом простиралась ночная улица, усыпанная огнями и силуэтами прохожих. Город жил своей жизнью, не подозревая о ее существовании, о ее маленьком мире, заключенном в этих стенах. Она чувствовала себя наблюдателем, сторонним зрителем в этом вечном спектакле.

Ночной город все так же жил своей жизнью. Но теперь, после музыки, она чувствовала себя легче, спокойнее. Она

знала, что завтрашний день принесет новые вызовы, новые испытания. Но она была готова к ним. У нее был ее дом, ее рояль, ее музыка. И этого было достаточно.

Вероника работала в литературном журнале, занимаясь, казалось бы, рутинной работой: вычитка текстов, корректура, подготовка рукописей к печати. Однако, за этой внешней монотонностью скрывалась целая вселенная страстей, талантов и разочарований. Вероника была не просто техническим исполнителем, она была вратами, через которые пропускался поток новых идей, свежих голосов. Она читала между строк, улавливала фальшь, чувствовала искренность, и в тишине своего кабинета становилась незримым соавтором каждой публикации.

Ее коллеги, люди творческие и зачастую эксцентричные, формировали пеструю картину жизни журнала. Поэты, с горящими глазами декламирующие свои вирши в коридорах; прозаики, тонущие в муках творчества и заливающие горе крепким кофе в буфете; критики, язвительные и эрудированные, способные одним метким замечанием вознести автора на Олимп или низвергнуть в бездну забвения. Вероника наблюдала за ними, впитывая атмосферу постоянного поиска, сомнений и надежд.

Среди вороха рукописей, приходивших в журнал ежедневно, попадались настоящие жемчужины – истории, которые захватывали дух, заставляли смеяться и плакать, пе-

реосмысливать собственную жизнь. Вероника чувствовала трепет, когда держала в руках подобный текст, понимая, что соприкасается с чем—то великим и вечным. Она знала, что ее работа важна, что она помогает этим историям дойти до читателя, донести до мира искру таланта.

Но были и разочарования. Бездарные графоманы, пробиравшиеся сквозь тернии связей и знакомств, пытались навязать журналу свои посредственные творения. Интриги и склоки, неизбежные в любом творческом коллективе, омрачали атмосферу и заставляли Веронику сомневаться в правильности выбранного пути. Она видела, как талантливые люди ломаются под давлением обстоятельств, как зависть и амбиции затмевают разум.

И все же, любовь к литературе перевешивала все негативные моменты. Вероника знала, что ее место здесь, в этом хаотичном и прекрасном мире слов, где каждая запятая имеет значение, где каждая история может изменить мир. Она была частью этого мира, скромным, но необходимым винтиком в огромном механизме литературного процесса. И она продолжала читать, вычитывать, редактировать, вкладывая в каждое слово частичку своей души.

Но вне работы Вероника становилась тенью самой себя. Социальные контакты сводились к формальным встречам с коллегами, а личная жизнь казалась ей чем—то далеким и нереальным. Она боялась нарушить тот тщательно выстроенный мир, где все подчинялось законам логики и рассуд-

ка. Эмоции представлялись ей опасным вирусом, способным разрушить хрупкое равновесие.

Вероника закрыла глаза и глубоко вздохнула. Что—то в ней надломилось. Возможно, пришло время внести изменения в свою безупречную, но такую одинокую жизнь. Возможно, пришло время рискнуть и открыть свое сердце для чего—то нового.

В ее офисе, наполненном запахом старой бумаги и свежесваренного кофе, она была королевой, властной и уверенной. Но стоило ей переступить порог своей квартиры, как маска успешной женщины падала, обнажая хрупкую, одинокую душу.

Квартира, большая и стильная, словно сошедшая со страниц глянцевого журнала, не согревала. Холодные тона, минимализм в декоре – все кричало об успехе, но молчало о счастье. Она сбрасывала туфли на высоком каблуке, которые так эффектно подчеркивали ее стройные ноги, и надевала мягкие тапочки, ставшие символом ее уединения. Звук захлопывающейся двери эхом отдавался в пустых комнатах, напоминая о ее изоляции.

Она бродила по комнатам, словно призрак, среди дорогих вещей, которые не приносили радости. Включив приглушенный свет, она шла на кухню, где ее ждала недопитая чашка кофе, остывшая и горькая, как и ее сегодняшний день. Мысль о заказе еды на вынос казалась непосильной, а пер-

спектива готовности в одиночестве вызывала лишь тоску.

Она садилась на диван, укрывалась пледом и включала телевизор, переключая каналы в поисках хоть чего—то, что могло бы отвлечь от навязчивого чувства пустоты. Мелькающие лица на экране казались далекими и нереальными, а их проблемы – незначительными и чужими. Она выключала звук, и тишина снова обрушивалась на нее, давящая и всепоглощающая.

В такие моменты ей хотелось позвонить кому—нибудь, услышать родной голос, почувствовать себя нужной. Но в телефонной книге, заполненной именами коллег и деловых партнеров, не находилось ни одного человека, которому она могла бы открыться, рассказать о своей слабости. И тогда она понимала, что ее успех – это лишь красивая клетка, в которой она добровольно заперла себя, отказавшись от тепла человеческих отношений в погоне за карьерой.

Многэтажка, в которой жила Вероника, хранила множество тайн. Каждый вечер, возвращаясь домой, она чувствовала на себе взгляды невидимых глаз. Скрип половиц, тихие голоса за стеной, шорох листьев за окном – все это создавало атмосферу загадочности и напряжения. Вероника знала лишь нескольких соседей, и те сторонились ее, словно она была неким экзотическим растением, требующим особого ухода.

Вечера Вероника проводила за чтением старых книг, в которых находила утешение и ответы на вопросы, мучившие ее. Иногда она слушала классическую музыку, позволяя ей заполнить пустоту в душе. В редкие моменты слабости она смотрела в окно на прохожих, гадая об их жизнях, мечтах и страхах. Она чувствовала себя наблюдателем, сторонним наблюдателем в этом большом, бурлящем мире.

Каждый прохожий был словно отдельная история, недописанная глава в бесконечном романе. Вот спешит женщина с сумками, наверняка к ужину, к семье, к теплу домашнего очага. А вот юноша, уткнувшись в телефон, скорее всего, погружен в мир виртуальных баталий или романтических переписок. Старик, медленно опираясь на трость, наверняка вспоминает давно ушедшие дни, полные приключений и потерь. И она, за стеклом, словно призрак, наблюдает за всем этим, не имея возможности прикоснуться к реальности.

Она пыталась заполнить пустоту внутри себя работой, книгами, редкими встречами с коллегами. Но ничто не могло заменить ту искру жизни, которую она потеряла. Ей казалось, что ее собственные чувства притупились, эмоции стали блеклыми, а мир вокруг – серым и однообразным. Она существовала, но не жила.

Иногда ей казалось, что она попала в какой-то странный сон, из которого никак не может проснуться. Она видела мир, но не чувствовала его. Слышала звуки, но не восприни-

мала их. Ощущала запахи, но не распознавала их. Она была словно заперта в клетке собственного разума, обреченная на вечное наблюдение.

Но даже в самые темные моменты, когда отчаяние охватывало ее с головой, она находила в себе силы продолжать. Продолжать дышать, продолжать думать, продолжать наблюдать. Она верила, что где—то там, за пределами ее одиночества, ее ждет что—то большее. Что когда—нибудь она сможет снова почувствовать себя частью этого большого, бурлящего мира.

Иногда, проснувшись посреди ночи от странного шума, доносившегося из—под ее окон, Вероника задумывалась о том, что же скрывается за стенами ее загадочной многоэтажки. Кто ее соседи? Какие тайны они хранят? И почему ее жизнь, такая успешная и благополучная на первый взгляд, наполнена таким глубоким, всепоглощающим одиночеством? Эти вопросы оставались без ответа, витая в воздухе, как призраки прошлого...

...Его звали Андрей, и в юности он был солнцем, вокруг которого вращались планеты—друзья. Он был душой компании, генератором идей, верным плечом. Любовь настигла его внезапно, как весенний ливень. Вероника была его отражением, его тихой гаванью, его всем. Они мечтали о большом доме, детях, старости, встреченной рука об руку. Жизнь

казалась бесконечной чередой счастливых дней.

Вероника и Андрей сидели на крыше многоэтажки, свесив ноги над городом, который раскинулся под ними мерцающим морем огней. В руках у Андрея – две чашки с горячим чаем, пар от которого завивался в прохладном вечернем воздухе. Вероника прислонилась к его плечу, и они молча любовались пейзажем, в котором каждый дом, каждое окно скрывали чьи—то жизни, истории, мечты.

Их мечты, казалось, сплелись в одну, общую нить, ведущую в светлое будущее. Они представляли себе небольшой уютный дом за городом, с садом, полным цветов и фруктовых деревьев. Вероника видела себя, копающейся в земле, в соломенной шляпе, а Андрей – мастером на все руки, строящим скворечники для птиц и ремонтирующим старую машину в гараже.

Они говорили о детях, об их именах, о том, как будут учить их кататься на велосипеде и читать книги перед сном. Вероника мечтала о маленькой девочке с кудрявыми волосами и большими глазами, унаследовавшей любовь к литературе. Андрей представлял себе сына, с которым будет играть в футбол и учить его ремонтировать все на свете.

Их будущее рисовалось яркими красками, полными любви, смеха и взаимопонимания. Это был мир, в котором они были опорой друг для друга, в котором любые трудности преодолевались вместе, рука об руку. Мир, где их маленькая семья была самым главным сокровищем.

Они знали, что путь к этой мечте будет непростым, что жизнь полна неожиданностей и испытаний. Но они верили друг в друга, верили в свою любовь и знали, что вместе смогут построить тот самый дом, посадить тот самый сад и воспитать тех самых детей, о которых так страстно мечтали, глядя на мерцающие огни города с крыши многоэтажки...

Но счастье, как известно, хрупкая субстанция. Болезнь Андрея обрушилась на них словно гром среди ясного неба. Долгие месяцы борьбы, отчаянные надежды, изматывающие поездки по врачам – все было тщетно. Андрей угасал, словно свеча на ветру. Вероника держала его за руку, читала ему стихи, рассказывала смешные истории, лишь бы хоть на миг вернуть ему улыбку. Но болезнь была неумолима.

Андрей умер. Вместе с ней ушла часть Вероники. Мир потускнел, краски померкли, музыка затихла. Дом, наполненный их любовью, превратился в холодную, пустую крепость. Друзья пытались поддержать её, вытащить из пучины горя. Но она не могла. Она отдалилась от них, ушла в себя, словно раненый зверь, ищущий уединения.

Боль Вероники была как бездонная пропасть, разверзнувшаяся прямо под ногами. Мир, еще вчера наполненный светом и красками, в одночасье потускнел, обратился в серую, безжизненную пустыню. Умер Андрей. Не просто ушел, а был вырван из ее жизни жестокой, безжалостной болезнью. Каждый уголок квартиры, пропитанный его запахом, его присутствием, теперь кричал о его отсутствии. Смех,

шутки, объятия – все это застыло в воздухе, как осколки разбитого зеркала, напоминая о счастье, которое больше никогда не вернется.

Вероника брела по дням, словно лунатик, выполняя привычные действия на автомате. Еда казалась безвкусной, разговоры – бессмысленными, солнце – холодным. Внутри нее зияла огромная дыра, поглощающая все светлое и живое. Она пыталась найти утешение в воспоминаниях, но они лишь обостряли боль, напоминая о том, чего она лишилась. Каждое фото Андрея, каждая его вещь, хранимая ею как драгоценность, становилась источником новых мук.

Самым тяжелым было осознание того, что больше никогда. Никогда она не услышит его голос, не почувствует его тепло, не увидит его улыбку. Никогда они не осуществляют свои мечты, не посетят те места, о которых так долго говорили, не состарятся вместе, держась за руки. Эта бесповоротность, эта абсолютная невозможность вернуть прошлое давили на нее с невыносимой силой.

Иногда, по ночам, Вероника просыпалась в холодном поту, ей казалось, что Андрей рядом, что он просто вышел на минутку и вот—вот вернется. Но затем она открывала глаза и сталкивалась с жестокой реальностью: пустая половина кровати, тишина, пронизанная одиночеством, и осознание того, что он больше никогда не придет. Эта боль, острая, пронзительная, сжигала ее изнутри, оставляя лишь пе-

пел надежды и отчаяния.

Она проснулась от того, что за окном хлопнула дверца чьей-то машины. Майское утро было серым, тягучим, как старый мёд. Вероника полежала минуту, глядя в потолок. Там, в углу, паутина чуть колыхалась от сквозняка. Она не сразу вспомнила, какой сегодня день.

На кухне было тепло. Она включила чайник и уставилась в окно. Соседка из второй парадной выгуливала таксу. Всё, как всегда. Вероника налила кипяток в кружку — ту самую, с отбитой ручкой, которую обещала выбросить уже полгода. Рука сама потянулась за ней. Почему-то именно из этой кружки чай казался правильным на вкус.

Она села за стол, сделала глоток и вдруг чётко поняла: в комнате кто-то есть. Не звук, не шаг — просто ощущение, что воздух стал плотнее и кто-то стоит прямо за её спиной. Она медленно обернулась — никого. Только солнечный пыльный луч падал на спинку стула, где раньше любил сидеть Андрей.

«Хватит», — сказала она вслух. Сама себе. Голос прозвучал резко, и в ответ из кухонного шкафчика звякнула чашка. Просто осела посуда? Она не стала проверять.

Вероника включила ноутбук. Работа ждала. Ольга прислала новую главу — про любовь на фоне войны. Слова складывались красиво, но где-то на середине третьей страницы Вероника почувствовала, что взгляд скользит, а мысли ухо-

дят в сторону. Она тряхнула головой и перечитала абзац снова. И снова — пропустила строчку.

Тогда она взяла телефон и написала Ольге: «Я тут немного зависла, давай созвонимся вечером, освежу голову».

Она отложила ноутбук и вышла в коридор. Там было прохладно, почти холодно. Интересно, батареи ещё не отключили? Она протянула руку к радиатору — он был чуть тёплым. Но воздух вокруг был ледяным. Вероника поёжилась.

Она прошла в гостиную и остановилась у рояля. Крышка была поднята — она не поднимала её со смерти Андрея. Сердце пропустило удар. Вероника подошла ближе и заметила, что на клавишах нет пыли. Совсем. Как будто их кто-то протирали каждую ночь.

Она медленно опустилась на банкетку. Собралась с духом, положила ладони на клавиши. Пальцы сами нашли первую ноту — до. Потом ми. Потом соль. Она играла мелодию, которую не помнила, но тело знало её наизусть.

Слёзы потекли сами. Она не знала, что играет их мелодию. Ту самую, которую они с Андреем сочинили вместе, сидя вот за этим роялем, когда ещё строили планы на жизнь, на детей, на старость.

Где-то в середине фразы она сбилась. Пальцы дрогнули, но воздух вокруг неё замер, и до её слуха долетел едва уловимый звук — словно кто-то невидимый завершил аккорд

за неё. Одна нота, чистая, высокая. Упала в тишину, как капля воды.

Вероника отдёргнула руки. Сердце колотилось. Она медленно встала и отошла от рояля.

«Нет», — прошептала она. — «Я просто устала»...

Она пошла в ванную умыться. Открыла кран, плеснула водой в лицо. Подняла взгляд на зеркало — и в нём, позади своего отражения, ей показалось, на долю секунды, что на стене висит тень. Тень того, кого здесь быть не могло.

Она резко обернулась. Пусто.

Вероника вытерла лицо полотенцем и вышла. Она решила: сегодня уберёт квартиру. Вытрясет ковры, вымоет полы, проветрит. Займёт руки, чтобы голова молчала.

Она взяла тряпку и села на корточки у порога. Противорала пол методично, сильно, вёдливо. Вода в ведре стала серой. Она меняла её два раза. И только когда уже заканчивала, заметила: на полу у самого порога лежал засохший лист. Кленовый. Откуда он взялся в мае?

Вероника взяла его в руки. Он рассыпался в труху.

Она долго смотрела на серые крошки на ладони. Потом встала, вытряхнула руки в мусорное ведро и закрыла крышку.

Она не знала, что Андрей каждый день, пока она спит, садится на краешек её кровати и смотрит, как она дышит. Что он гладит её по волосам, но она не чувствует — только

вздрагивает во сне. Что каждое утро он подходит к роялю и тихо касается клавиш, чтобы проверить — слышит ли она его. И когда она сегодня доиграла мелодию, он на секунду поверил: она вернулась.

Но она ушла. И он остался один в пыльном луче майского солнца, глядя на дверь, за которой она вытирала пол.

Он не хотел ей зла. Он просто хотел, чтобы она помнила. Андрей никуда не ушёл. Он просто стал тишиной в её доме.

Она знала, что рано или поздно ей придется научиться жить дальше. Но как? Как научиться дышать без воздуха, видеть без света, любить без любимого? Как заполнить эту зияющую пропасть, оставленную Андреем? Ответы на эти вопросы пока оставались для Вероники непостижимой тайной, и каждый новый день приносил лишь новую порцию боли и отчаяния.

Годы шли, боль притупилась, но шрам остался. Вероника научилась жить с этой пустотой внутри. Она нашла утешение в работе, в книгах, в долгих прогулках по лесу. Но одиночество стало её верным спутником. Она смотрела на счастливые пары, идущие по улицам, на детей, играющих в парке, и чувствовала щемящую тоску. Она понимала, что никогда больше не сможет открыть свое сердце кому—то другому.

Вероника стала тенью самой себя. Она жила, но не чувствовала. Она существовала, но не любила. Она была одино-

ка, не потому что её бросили, а потому что часть её умерла вместе с Андреем, оставив зияющую пропасть, которую ни-что, и никто не мог заполнить. Она был одинока навсегда...

Она даже не помнила, сколько ей лет, одиночество убивало её. Каждый день был похож на предыдущий: тишина, пронизанная скрипом старого дома, и эхо собственных шагов, гуляющих по пустым комнатам. Лицо в зеркале становилось все более чужим, отражая не возраст, а усталость от бесцветного существования. Морщины, словно трещины на старинном полотне, рассказывали истории, которые некому было слушать.

Она пыталась цепляться за прошлое, перебирая старые фотографии в пожелтевших альбомах. Вот она, молодая и полная надежд, с блеском в глазах, который давно потух. Вот Андрей, улыбающийся ей с фотографии, словно живой. Его уход вырвал кусок её души, оставив зияющую пустоту, которую ничто не могло заполнить.

Вечера были самыми тяжелыми. Она сидела у окна, глядя на мерцающие огни города, чувствуя себя отрезанной от всего мира. Иногда включала телевизор, но бессмысленные передачи лишь усиливали ощущение одиночества. В такие моменты ей казалось, что она превращается в тень, медленно растворяющуюся в темноте.

Она знала, что нужно что-то менять, искать новые интересы, знакомиться с людьми. Но апатия сковывала её, ли-

шая воли к действию. Ей казалось, что уже слишком поздно начинать все заново, что жизнь прошла мимо, оставив её на обочине.

И все же, иногда, когда луч солнца пробивался сквозь пыльные занавески и касался её лица, в ней просыпалась слабая надежда. Надежда на то, что еще не все потеряно, что где—то там, за пределами этого старого дома, есть еще место для радости и любви. Надежда, маленькая, как искра, но способная разжечь огонь...

Одной из этих искорок было веселье, которое царило этажом выше...

Глава 3

**Счастье — это не пункт назначения,
а способ путешествовать.**

Так же в этой девятиэтажке, на втором этаже обитали Оля, Маша и Катя – три неразлучные подруги и по совместительству студентки филфака. Их комната, больше похожая на творческий беспорядок, всегда была наполнена смехом, музыкой и ароматами свежесваренного кофе. Книжные полки ломились от томов классики и современной литературы, перемежаясь с плюшевыми игрушками и фотографиями, запечатлевшими самые яркие моменты их юной жизни.

Быт их был прост и непримечательный, но всегда наполнен уютом и взаимной заботой. Утром, под бодрящую музыку,

они по очереди занимали крошечную ванную, превращая это в мини—спектакль с забавными комментариями и подшучиваниями друг над другом. Завтрак обычно состоял из бутербродов и чая, но по воскресеньям Оля, самая кулинарно — одаренная из них, баловала подруг домашними блинчиками с вареньем.

Учеба, конечно, занимала важное место в их жизни, но они умели сочетать ее с развлечениями и отдыхом. После лекций и семинаров они часто заглядывали в ближайшую кофейню, чтобы обсудить прочитанное и поделиться впечатлениями. Вечерами, если не было контрольных и экзаменов на носу, они устраивали киновечера, пели под гитару или просто болтали обо всем на свете, сидя на подоконнике и любуясь звездным небом. В один из таких вечеров девушки накрыли стол, включили проектор, и с воодушевлением смотрели премьеру фильма.

— Девчонки, вы видели эту сцену?! Когда главный герой наконец - то понимает, что его лучший друг предатель? Я чуть не выплакала все свои запасы! Это же просто взрыв эмоций! - взволнованно произнесла Маша.

— Маша, ты всегда так драматична! Но правда, игра Андрея Иванова просто невероятна! Он ведь даже без мимики передаст всю глубину чувств. А когда он посмотрел на экран, как будто сквозь него смотрит... я аж задохнулась от напряжения. – возбуждённо смеясь ответила Катя

— Да, Андрей вообще феноменальный актёр! Но мне

больше всего запомнился этот момент, когда героиня говорит о своем прошлом. Помните, когда она впервые открывает душу своей лучшей подруге? Наташа Кузнецова просто великолепна! Такую искренность передать... это искусство! – романтично вздыхая пробормотала Оля.

— Ну, а сцена с тем самым монологом под дождь! Она просто убила меня. Такой мощный текст, и то, как она всё это передаёт... Я бы хотела быть такой сильной женщиной, как её героиня!

— А вот мне кажется, что режиссер немного переборщил со сценой погони! Она слишком длинная и хаотичная. В конце концов, мы потеряли весь драйв из-за бесконечных спецэффектов. Мне больше нравится, когда эмоции передаются через игру актеров, чем через кучу динамичных кадров.

— Согласна, но финальная сцена искупает все! Когда они все вместе стоят на крыше и смотрят на город, это просто дух захватывает. Такое ощущение, что каждый из них находит свой путь. И музыка... это же просто песня всей жизни! – согласилась с подругой Оля.

— Вот это финал! Думаю, нам стоит пересмотреть еще раз, только чтобы снова пережить эти моменты. Может, сделаем это завтра вечером? С пивом и пиццей? – с огоньками надежды в глазах, почти умоляющим голосом, проговорила Катя.

— Только без вопросов! Давайте, устроим повторный просмотр, а потом обсудим ещё пару теорий о том, что было

между строк.

— Идеально! Кто знает, может, найдем там ещё какие—нибудь скрытые жемчужины!

— Кстати, девчонки, помните, как обсуждали, кто мог бы сыграть главную роль, если бы это был сериал? Я нашла интервью с Наташей Кузнецовой, где она говорила, что мечтала бы продолжить историю героини в каком-то спин—оффе или сериале. Представляю, сколько ещё можно раскрыть глубин характера и отношений!

— Ого, это было бы круто! Ведь у Наташи есть талант создавать такие живые образы. А ещё подумайте, какой актерский состав можно собрать! Например, в роли второго плана мог бы появиться тот самый загадочный персонаж, который мелькает в начале фильма. Это бы добавило интриги!

— Да, и вспомните, как много осталось нераскрытой информации о семье главной героини. У неё столько загадок и тайн! Если бы сделали полноценный сериал, могли бы исследовать каждую из этих линий. А еще, думаю, стоило бы пригласить сценариста, который работал над "Игрой престолов" — он точно знает, как держать зрителя в напряжении!

Девушки дружно захохотали.

— А давайте сами попробуем придумать сценарий продолжения! Можно устроить конкурс идей, и каждая из нас предложит свою версию развития сюжета. Потом выберем лучшую и отправим письмо в студию, которая снимает подобные фильмы.

— Это было бы весело! Я уже вижу, как наша идея воплощается в жизнь, и мы сидим на премьере нового сериала, окруженные друзьями и съемочной группой. — с ухмылкой произнесла Оля. Но идея ей нравилась.

— Еще бы! И пусть наш любимый актер Андрей Иванов будет там, улыбаясь и говоря: "Спасибо за вдохновение!" Давай, начнем работать над идеями прямо сейчас! К тому времени, как закончится ажиотаж вокруг этой премьеры, у нас уже должен быть черновик сценария!

— За наше кино и за мечты, которые мы превращаем в реальность! — поднимая бокалы с вином произнесли девушки, а потом сели за «работу»...

Не обходилось и без приключений. То они случайно забредали на выставку современного искусства и пытались понять замысел художника, то терялись в городе в поисках редкой книги, то устраивали спонтанную пикник на берегу реки. В каждой такой истории была доля юмора и авантюризма, что делало их жизнь еще более насыщенной и интересной.

Их дружба была крепкой и нерушимой. Они поддерживали друг друга в трудные моменты, делились радостями и печалями, вместе мечтали о будущем. В этой квартире на втором этаже царила атмосфера тепла, понимания и безграничного оптимизма, которая помогала им справляться со всеми трудностями и верить в то, что впереди их ждет много счастливых и незабываемых моментов...

Из комнаты вырывался хор девичьих голосов, заглушающий даже хрипящую колонку, из которой доносился какой-то безбожно перепетый поп-хит. В воздухе витал густой аромат дешёвого шампанского, смешанный с запахом поджаренной пиццы и тоннами лака для волос. Серпантин и конфетти усыпали всё: пол, мебель, даже запутались в волосах хохочущих девчонок.

Катя, с размазанной по щеке помадой и в короне из мишуры, самозабвенно дирижировала поющим хором половником. Маша, балансируя на стуле, пыталась прикрепить к люстре ещё один воздушный шарик, рискуя в любую секунду сорваться вниз. Оля, с глазами, блестящими от смеха, разливала игристое по пластиковым стаканчикам, умудряясь при этом уворачиваться от танцующей с половником вокруг неё Кати, которая, казалось, воплощала собой саму энергию праздника.

Нервно балансируя, весело, почти крича, обратилась Катя к подругам:

— Эй, девчонки, держите меня! Кажется, вот этот последний шарик сделает наше торжество настоящим праздничным облаком! Только бы не упасть!

Оля, смеясь, ловко уклоняясь от Кати, ответила:

— Держись за что—нибудь, Кать! Ты уже как цирковой артист! Кстати, тут всем пора подзарядиться! — она подала подругам бокалы, и произнесла тост — За удачу и воздуш-

ные замки!

— А я вот думаю, что праздник без капельки радости в каждом углу – это просто скучное событие! Ну—ка, попробуй увернуться!

Маша, поймав стакан, чуть не теряя равновесие, взвизгнула:

— Ой, Оля, ты спасительница! Вот, держи, пока... – Она ловко закрепила шарик.

— Всё, готово! Теперь можно немного отдохнуть.

Оля, подмигивая подруге, выпутывала мишуру из волос:

— Успокойся, балерина на стуле! Иди лучше сюда, а то Кате места не хватит.

— Да бросьте вы обо мне заботиться! Я сама о себе прекрасно справлюсь! Смотрите, как я могу! А теперь, девчонки, за самое главное – за нашу дружбу! – они засмеялись, поднимая стаканы.

Маша, с облегчением спрыгивая со стула:

— За наше безумие! Без него жизнь была бы слишком предсказуемой.

— За неповторимые моменты, которые мы создаем сами!

— За новые приключения и воздушные шары в наших сердцах!

В какой—то момент музыка стихла, и все, запыхавшись и хохоча, рухнули на диван, с трудом переводя дух. Наступила короткая тишина, нарушаемая лишь прерывистыми всхлипами смеха. Затем, как по команде, все повернулись к Кате,

у которой в руках появился торт, украшенный криво горящими свечами.

— Загадывай желание! — прокричали девчонки хором, и Оля, прикрыв глаза, на мгновение замерла. В комнате повисла напряженная тишина, а затем она с силой задула свечи, рассыпав искры воска по тарту. Громкие аплодисменты и радостные возгласы вновь взорвали атмосферу комнаты.

Праздник продолжался до самого утра, с танцами, песнями и бесконечными разговорами обо всем на свете. В этой огромной, захламленной студенческой квартире царила атмосфера безграничного счастья и безудержного веселья, атмосфера, которую они запомнят на всю жизнь...

...На столе, заваленном конспектами, обрывками стикеров и полупустыми стаканами из—под кофе, бушевала жизнь. Три головы, склонившись над общей тетрадь, яростно спорили. Катя, с растрепанной копной рыжих волос, размахивала ручкой, пытаясь доказать свою правоту. Катя, с идеально заплетенной косой, терпеливо выслушивала, поправляя очки на переносице. А Маша, в огромной толстовке и с сонными глазами, лениво рисовала цветочки на полях, время от времени вставляя реплики, от которых спор разгорался с новой силой.

— Девочки, ну почему мы до сих пор не можем договориться? Это же задача из школьной программы! В треугольнике сумма углов равна 180 градусам, верно? — грызя шари-

ковую ручку произнесла Катя

Маша с раздражением ответила подруге:

— Да, но тут ведь прямоугольный треугольник! Значит, один угол уже равен 90 градусам. Так что остальные два должны в сумме давать 90 . А ты предлагаешь, что третий угол 50 градусов, а второй 70 !

— Давайте рассуждать логически. Если гипотенузой является сторона длиной 13 см, то катеты могут быть 5 и 12 см по теореме Пифагора. Угол, противолежащий катету длиной 12 см, будет больше. Значит, он не может быть 50 градусов.

— А если использовать тригонометрию? Тангенсы помогут определить углы. У нас есть длины сторон, значит, можно посчитать тангенс угла. Где моя ручка?

В этот момент Катя потянулась за ручкой, но та вдруг покатилась по столу сама собой и остановилась ровно под пальцами Оли. Оля удивленно посмотрела на предмет, как будто кто-то только что вложил его ей в руку. Она улыбнулась: «Спасибо, невидимый помощник».

Девушки засмеялись, не зная, что в пыльных углах квартиры, в зеркалах, которые не протирали со времен сдачи дома, за ними наблюдали двое. Это были не привидения в простынях, а Елена и Николай — пара студентов, живших здесь сорок лет назад. Они погибли в автокатастрофе в тот самый вечер, когда должны были впервые пойти на свидание. Их невысказанные признания, их несостоявшийся первый танец навсегда впечатались в стены этого помеще-

ния.

— Хорошо, давай попробуем! Если взять тангенс угла у меньшего катета, получится $5/12$. Это явно меньше, чем у угла 50 градусов. – поддалась логике Маша.

— Вот это решение! Значит, угол у катета 5 см действительно меньше 50 градусов. Давайте найдем его точное значение с калькулятором.

— Отлично, теперь все ясно! Я была неправа, спасибо, что вы меня поправили.

— Дружба и математика неразрывны! Всё—таки 90 минут, проведенные за решением задачи, стоили того. – подмигнула подруге Катя.

— Теперь точно! Решение записано, давайте проверим ответ.

...Аромат растворимого кофе смешивался с запахом дешевой пиццы, принесенной накануне. На полу валялись обертки от конфет и печенья – верные спутники ночных бдений перед экзаменами. Из старенького радио доносились обрывки поп—музыки, заглушаемые громкими голосами.

Внезапно Оля, не выдержав, хлопнула ладонью по столу.

— Всё! Я сдаюсь! Вы меня убедили! Но если мы завалим этот экзамен, я вам этого не прощу!

Катя облегченно вздохнула и улыбнулась.

— Не завалим, Оль. Мы же команда. А команда всегда побеждает.

Маша зевнула и подняла большой палец вверх, не отрываясь от своего цветочного шедевра.

Затем, отложив тетрадь, девушки набросились на остатки пиццы, жадно откусывая куски и делясь впечатлениями о вчерашней вечеринке. Смех и шутки заполнили маленькую кухню, на мгновение стирая из памяти надвигающийся экзамен и все тяготы студенческой жизни.

Солнце, пробиваясь сквозь грязные окна, освещало этот хаос, наполняя его теплом и надеждой. Здесь, за этим захламленным столом, рождались не только знания, но и крепкая дружба, которая, казалось, выдержит любые испытания.

Три студентки, три разные судьбы, сплетенные воедино общим университетским ветром и желанием найти свое место под солнцем. Маша, тихая и рассудительная, с головой ушедшая в учебу, видела в академических успехах ключ к светлому будущему. Катя, напротив, живая и энергичная, искрилась оптимизмом и жаждой приключений; учеба для нее была лишь необходимой ступенькой, а настоящая жизнь кипела за стенами аудиторий. Оля, творческая и немного эксцентричная, погружалась в мир искусства, находя вдохновение в каждой детали и стараясь видеть красоту в обыденном.

Их дружба зародилась случайно, возможно, в переполненной студенческой столовой, или на скучной лекции, но очень быстро переросла в нечто большее, чем просто приятельские отношения. Маша, Катя и Оля стали друг для друга той необ-

ходимой опорой, которой так не хватало вдали от дома и семьи. Они делились секретами, поддерживали в трудные моменты, вместе мечтали о будущем и смеялись над неудачами. Каждая из них приносила в их союз что—то уникальное, делая его крепким и неповторимым.

Не всегда все было гладко. Разные взгляды на жизнь, амбиции и личные переживания порой приводили к спорам и недопониманию. Катя, с ее перфекционизмом, иногда раздражала Олю своей излишней серьезностью, а Маша казалась им обоим живущий в своем мире, оторванном от реальности. Но, несмотря на это, они всегда находили способ прийти к компромиссу и сохранить свою дружбу. Они учились принимать друг друга такими, какие они есть, со всеми достоинствами и недостатками.

Все девушки были приезжими – в родном городе у каждой была своя семья – родители, школьные друзья и родственники. Но в этом городе они обрели новых себя, прекрасных подруг и любовь...

Оля, первокурсница филфака с глазами цвета осеннего неба и копной непокорных каштановых волос, и Антон, второкурсник—физик, высокий, немного угловатый и с постоянной улыбкой на лице, казались совершенно разными полюсами студенческой вселенной. Она – погруженная в мир литературы и мечтавшая о великих романах, он – живущий в

мире формул и грезящий о покорении космоса. Но как гласит старая истина, противоположности притягиваются, особенно в эпоху студенческих бесчинств и романтических порывов.

Их знакомство произошло случайно – в библиотеке, где Оля пыталась втиснуть в себя все содержание "Мастера и Маргариты" за одну ночь перед коллоквиумом, а Антон искал редкий учебник по квантовой механике. В итоге, вместо того чтобы углубиться в науку, они столкнулись в узком проходе между полками. Рассыпанные книги, неловкие извинения и взгляды, застрявшие друг в друге – классика жанра, которая положила начало их необычной истории.

Оля, суетливо поднимая книги, начала извиняться:

— Ой, прости, я не заметила... Кажется, мы оба тянемся за одной книгой.

Антон, улыбаясь, и поправляя очки, вступил с девушкой в диалог:

— Не волнуйся. Такие ситуации как раз и делают библиотеку уютнее. Правда, неловко получилось с этими томами по русской литературе...

— Да, это действительно странно – словно наши руки встретились в самом буквальном смысле. Кстати, «Мастер и Маргарита»? Люблю эту книгу! – немного слукавила девушка.

— Ага, именно её. И знаешь, всегда считал, что Булгаков знает толк в человеческих отношениях. Видимо, и нам пора

наладить наше знакомство.

— Ну, если ты готов начать так же необычно, как и закончилось наше первое столкновение, то... давай знакомиться. Я – Оля, увлекаюсь классической литературой и иногда теряюсь среди полок.

— Очень приятно, Оля. Антон. Коллекционер цитат из любимых писателей. Надеюсь, после этого инцидента у нас будет больше общих тем для разговоров.

— Конечно, ведь теперь у нас есть общая история, правда уникальная! Может, пройдемся по другим полкам? Вдруг найдем ещё пару совпадений?

— Отличная идея! И, возможно, кто—то ещё столкнется с нами... но уже без книг, между нами.

— Только не пугайся, если вдруг снова произойдет что—то неожиданное. В конце концов, библиотека – место для чудесных встреч. – смущённо улыбнулась Оля.

— Это точно... А ещё она место для новых историй. Как твоя книга про любовь к чтению и случайные встречи.

— Знаешь, Антон, эта встреча кажется мне чем—то большим, чем просто смешной случай. Словно судьба решила, что мы должны были познакомиться именно здесь, в этом мире слов и образов.

— Возможно, она хотела дать нам шанс понять, насколько тесно переплетены судьбы людей, даже когда они кажутся совершенно разными. Ведь, несмотря на нашу неловкость, мы нашли общий язык буквально с первого взгляда.

— Да, похоже, наша первая встреча стала началом чего-то особенного. Интересно, какие главы ждут нас впереди? Ведь каждая страница жизни – это новый поворот сюжета.

— А как насчет того, чтобы вместе написать этот сюжет? Ведь герои выбирают свой путь сами, а мы можем выбирать друг друга.

— Это предложение звучит как начало самой захватывающей главы. Давай попробуем, Антон. Кто знает, может быть, наша история станет одной из тех, что будут читать будущие поколения.

Антон поднял ладонь для рукопожатия:

— За новое приключение! Пусть оно будет наполнено открытиями, теплом и множеством страниц, которые хочется перечитывать снова и снова.

— За новую главу нашей жизни. И пусть она начинается прямо сейчас, в этой волшебной библиотеке. – Оля крепко пожала руку молодого человека.

Когда Оля пошла в библиотеку, рука, управлявшая её судьбой из другого измерения, сделала всё, чтобы в узком проходе «случайно» оказался Антон. Елена, стоявшая за спиной Оли, буквально подтолкнула её, когда та потянулась за книгой. Когда Оля споткнулась, она не знала, что её «неловкость» была вызвана чьим-то холодным, ободряющим прикосновением к плечу.

Так началась их удивительная история, полная неожиданных поворотов и глубоких чувств. Библиотека, где все началось, стала местом их тайных свиданий, где они делились мыслями, мечтами и находили ответы на самые сложные вопросы. Их отношения развивались медленно, как хорошая книга, и каждый день приносил новые открытия, делая их жизнь ярче и насыщеннее.

Однажды, Оля решила сделать Антону сюрприз и приготовить его любимые блины. Проблема была в том, что ее кулинарные навыки оставляли желать лучшего. Собрав все кулинарные книги, найденные в общежитии, она приступила к священнодействию. В результате кухня превратилась в поле битвы: мука была везде, кастрюля с тестом убежала на плиту, а первый блин превратился в невразумительную резиновую массу. Когда Антон, привлеченный дымом из—под двери, ворвался на кухню, он застал Олю, смущенную и перепачканную в муке, стоящую посреди этого кулинарного апокалипсиса.

Вместо того, чтобы расстроиться, Антон рассмеялся. Он принялся помогать Оле убираться, рассказывая анекдоты и с легкостью превратив неудачу в веселое приключение. В итоге, блины они заказали в ближайшей кафешке, но этот кулинарный провал стал одной из самых любимых и памятных историй в их отношениях. Он научил их главному – смеяться над собой и поддерживать друг друга, даже когда все идет не по плану.

Их любовь, такая же непредсказуемая и бурная, как студенческая жизнь, продолжала набирать обороты, доказывая всем вокруг, что даже самые разные миры могут прекрасно сосуществовать, если между ними есть искра — искра настоящей любви и искренней дружбы.

Маша, первокурсница филфака, влюбилась в Сашу, барабанщика из группы "Бешеные огурцы", игравшей по пятницам в подвальчике "У Кузьмы". Он был воплощением всего, что Маша считала крутым и непредсказуемым: длинные волосы, потертая косуха, и умение выбивать сумасшедшие ритмы, казалось, прямо из сердца. Их отношения завязались банально: после концерта Маша долго мялась у барабанной установки, стесняясь попросить автограф, а Саша, заметив ее смущение, просто протянул ей палочку и подмигнул.

Маша стояла возле барабанных тарелей, нервно перебирая пальцы, взгляд не мог оторваться от блестящего оборудования.

Про себя она думала: «Ну что за нервозность... Надо бы попросить автограф...» Затем подошла ближе, но остановилась.

Саша заметил Машу из угла сцены и улыбнулся.

— Эй, всё нормально? Что—то ты как будто к чему—то боишься подойти.

Маша тут же покраснела, и ответила:

— Ой, привет! Я... ну, хотела попросить автограф... но так

стеснительно получилось...

— Да ладно, чего стесняться? Это же весело! — Он протянул ей одну из своих палочек для барабана. — Держи, расписался тут!

Он подмигнул, и Маша засмеялась, и, напряжение спало само собой.

— Спасибо! Никогда не думала, что автограф будет такой... необычный.

— Так интереснее, правда? Ну, а как тебя зовут?

— Маша. А это твой инструмент спасает меня от неловкости?

— Именно! Это моя любимая палочка. Саша, кстати.

— Очень приятно, Саша. Знаешь, после этого я точно буду слушать твои песни с еще большим удовольствием.

— Отлично, значит, мы теперь друзья по барабанной палочке! Кстати, хочешь кофе после всех этих эмоций?

— Да, было бы здорово!

Они вместе направились к выходу, продолжая разговор о музыке и концерте, и направились в уютное кафе неподалеку.

— Вот повезло, что рядом есть это чудесное местечко. Здесь всегда отличный Латте. — проговорил Саша, смотря на часы.

— Угу, и кажется, они знают, как правильно заваривать кофе. Кстати, после твоего выступления мне даже захотелось научиться играть на барабанах.

— Вот это да, прям вдохновила! Могу дать пару советов или даже устроить урок, где—нибудь в студии. Кстати, какой жанр тебе больше нравится в музыке?

— Обычно я предпочитаю альтернативный рок, но твоё звучание такое разнообразное, что захватывает дух. Особенно когда ты играешь эти сложные ритмические фигуры.

— Ритм — душа музыки, верно? Интересно, что ты сама любишь делать в свободное время?

— Люблю читать, особенно фэнтези, рисовать иногда, и ещё люблю бродить по старым книжным магазинам. Знаешь, там можно найти такие сокровища...

— Фэнтези — круто! Есть какая—нибудь книга, которая запала тебе в душу? — заинтересованно спросил Саша.

— "Имя ветра" Патрика Ротфусса. Там настолько глубокое погружение в мир, что кажется, будто сам стал частью истории. — буквально оживилась девушка.

— Это звучит завораживающе! Обязательно прочитаю. А ты, кстати, когда последний раз была на каком—нибудь мастер—классе или семинаре?

— Давно уже, честно говоря. Жизнь забрала в свои руки, и времени почти не осталось. Но после сегодняшнего вечера чувствую, что пора что—то менять.

— Вот именно! Жизнь должна быть полной приключений и открытий. Давай, обещаю, найдем время для чего—нибудь интересного вместе...

В тот вечер, когда Маша познакомилась с барабанищиком Сашей, в подвале «У Кузьмы» было душно. Но вокруг Маши внезапно потянуло прохладой, той самой, которая дарит уверенность. Николай тихо «нашептал» Саше нужный момент для того, чтобы протянуть палочку: «Сделай это, не бойся, у тебя есть время...». Саша, сам не понимая почему, вдруг почувствовал прилив смелости.

Их свидания были такими же эксцентричными, как и музыка "Бешеных огурцов". Вместо романтических ужинов при свечах они устраивали пикники на крыше общаги, где жил Саша, слушая шум города и делясь мечтами. Вместо похода в кино они смотрели немое кино в заброшенном кино-театре, подсвечивая экран фонариками. Саша научил Машу различать стили джаза, а Маша вдохновила его на написание песни про девушку, которая читает стихи Есенина под звуки дождя.

Однажды, на день рождения Маши, Саша решил устроить ей сюрприз. Он договорился с друзьями Маши и ребятами из группы, чтобы устроить импровизированный концерт прямо у нее под окнами. Вечером, когда Маша вышла из подъезда, ее оглушил рев электрогитары и грохот барабанов. Саша стоял посреди двора с букетом полевых цветов и сиял, как медный таз.

— С днем рождения, моя муза! — проорал он, перекрывая музыкальный хаос. Концерт моментально привлек вни-

мание соседей, которые сначала с возмущением выглядывали из окон, а потом начали подпевать и пританцовывать на балконах.

К апогею вечеринки явилась бабушка Маши, строгая, как милиционер, с сумкой продуктов для студенток. Она приезжала раз в месяц, и помогала девчонкам с продуктами и новыми вещами. Она пробилась сквозь толпу танцующих студентов и направилась прямо к Саше. Маша похолодела от ужаса, но бабушка, вместо того чтобы отчитать хулигана, грозно глянула на него и спросила: "А "Мурку" сыграть сможете?" Саша, не растерявшись, кивнул и заиграл бессмертный хит, под аккомпанемент хора бабушек из подъезда соседнего дома.

В тот вечер Маша поняла, что ее любовь к Саше — это не просто юношеская влюбленность, а настоящее приключение, полное неожиданностей, музыки и смеха. И даже если "Бешеным огурцам" так и не суждено стать знаменитыми, их с Сашей история останется самой веселой и романтической мелодией в ее жизни...

Катя, первокурсница филфака, и Паша, второкурсник с факультета информационных технологий, встретились совершенно случайно в университетской библиотеке. Катя, отчаянно пытавшаяся разобраться в тонкостях старославянского, искала тот самый том, который ей посоветовал профессор. Паша, в свою очередь, отчаянно пытался найти ти-

хий уголок, где можно было бы сдать онлайн—квиз по программированию, не привлекая внимания строгой библиотекарши. В итоге, они столкнулись, и нужный Кате том, выскользнув из Пашиных рук, приземлился прямо на ногу бдительной хранительнице знаний.

Катя, перебирая книги, раздраженно произнесла:

— Ой, простите... Кажется, я тут что—то уронила... Это случайно не "Толковый словарь старославянского языка" издания 1985 года?

Паша, подняв книгу с пола, внимательно посмотрел на девушку.

— Вот именно! Да, это он. Я как раз собирался его взять. Вы, кажется, из филфака? Я тут искал тихое местечко, чтобы спокойно поработать над проектом.

— Точно, я Катя, первокурсница филфака. А этот том мне как раз нужен! Профессор настоятельно рекомендовал его для разбора текстов. А вы кто будете?

— Я Паша, второкурсник с ИТ—факультета. Проект по анализу данных, так что тишина – моя лучшая подруга. Кстати, если вам нужна помощь с этим словарем, могу подсказать пару трюков, как быстрее ориентироваться в нём.

— Ого, это было бы здорово! Я вообще—то гуманитарий, но иногда чувствую себя в этих древних текстах, как в лесу без карты. Так что помощь приветствуется!

— Ну, тогда давай вместе! Я здесь найду место, где нас никто не потревожит, а ты расскажешь, какие трудности тебя

мучают. Может быть, у меня даже есть пара старых заметок по теме.

— Отлично, Паша! Надеюсь, мы сможем друг другу помочь. И, может быть, потом ещё и кофе выпьем после такой полезной встречи в библиотеке.

— Договорились! Будет приятно познакомиться вне академических стен. Только вот кофе — это уже следующий уровень нашего знакомства! Знаешь, Катя, когда я впервые пришёл сюда, думал, что библиотека — это просто место с кучей книг. Но теперь понимаю, что это место встреч, идей и знаний. Как раз сейчас вижу, что даже разные факультеты могут объединиться ради общего дела.

— Да, это точно! Мне всегда казалось, что IT—шники живут в мире цифр и кодов, а гуманитарии — в мире слов и чувств. Но оказывается, мы оба нужны друг другу. Ведь анализ древних текстов требует не только понимания языка, но и современных методов обработки информации. — скромно улыбнулась она.

— Именно! Я, например, недавно делал проект по машинному переводу древних текстов, и понял, насколько важно понимать контекст и нюансы языка. А твой опыт в филологии может оказаться бесценным.

— Да, думаю, нам стоит продолжить наше сотрудничество. Может быть, даже организуем совместный семинар или практикум для студентов разных факультетов? Это могло бы стать интересным проектом междисциплинарного взаи-

модействия.

— Отличная идея, Катя! Уверен, такая инициатива привлечёт внимание всей академической общины. А пока давай начнем с малого: помоги мне сформулировать несколько ключевых вопросов для анализа твоих текстов, а я покажу, как можно использовать алгоритмы машинного обучения для их изучения.

— Замечательно! Значит, наш первый день знакомства не зря прошёл. С таким началом впереди нас ждут интересные исследования и, возможно, новые открытия.

— Ещё и новые друзья, Катя. Это уже начало чего—то большого. За нашу первую встречу и за все будущие приключения! – подмигнул ей Паша.

— За наше первое знакомство и за многое другое, что ждёт нас впереди! – произнесла Катя, поднимая воображаемый бокал.

Последовала немая сцена, полную ужаса и испуга. Библиотекарша, промокнув салфеткой внезапно выступившую слезу, грозно молчала. Катя и Паша переглянулись, и тут, будто по команде, начали тихонько хихикать. Эта нелепая ситуация стала их первым общим секретом, началом чего—то большого. Паша помог Кате разобраться со старославянским, а Катя, в свою очередь, пыталась объяснить ему, зачем вообще нужно знать, как писали наши предки.

Их отношения развивались стремительно и довольно комично. Катя, романтическая натура, читала Паше сонеты

Шекспира под звездами (точнее, под уличным фонарем возле девятиэтажки), а Паша, прагматичный программист, пытался перевести эти сонеты на язык Python, чтоб автоматизировать процесс признания в любви. Однажды, во время подготовки к сессии, Катя, увлекшись конспектированием "Войны и мира", случайно заварила чай в своей кружке чаем с тестом от курсовой Паши. В результате он получил глючную программу, а Катя – невероятно крепкий чай со странным привкусом микросхем.

Девушки думали, что их жизнь полна случайных встреч и удачных совпадений. Они не видели, как в зеркале прихожей, когда Катя красилась перед свиданием с Пашей, силуэт Елены заботливо поправлял воротничок на её кофте.

— Странно, — пробормотала Катя, глядя в зеркало. — Мне казалось, я застегнула пуговицу иначе.

Она не видела, как в отражении, прямо за её плечом, застыла печальная, но светлая улыбка женщины в платье из 80-х.

Однажды, на вечеринке у друзей, Катя решила удивить парня, и исполнила для него романс под гитару. Все шло прекрасно, пока не порвалась струна. В панике она попыталась заменить ее шнурком от кроссовка Паши, который в тот мо-

мент, само собой, танцевал посреди зала. Представьте себе картину: юноша, лишенный шнурка в разгар танца, пытающийся удержать сползающие штаны, Катя, отчаянно орущая романс, и хохочущие друзья вокруг.

Но, несмотря на все эти комичные ситуации, в их отношениях всегда была искренность и теплота. Катя ценила в нём его ум и чувство юмора, а Паша – Катину непосредственность и умение видеть красоту в мелочах. Их история, полная нелепых случайностей и забавных происшествий, доказывала, что любовь может расцвести даже в самых неожиданных местах и при самых комичных обстоятельствах. И даже шнурок от кроссовка, использованный вместо гитарной струны, может стать символом их необычной, но крепкой любви...

...В квартире стоял гул, как в улье, но улье очень счастливым. Три пары студентов – Катя и Паша, Оля и Антон, и, конечно, самая взрывная парочка, Маша и Саша – боролись не на жизнь, а на смерть в "Монополию". Вернее, боролись только девушки, парни же, казалось, предавались какому-то внутреннему дзену, время от времени вяло подбрасывая кубики.

Ситуация накалилась, когда Оля, хитрым взглядом обведя соперниц, скупила последние участки на "Красной площади" и "Арбате", водрузив на них три зеленых домика. Катя и Маша скорбно вздохнули, прикидывая, как скоро им

придется расстаться с кровными стипендиальными деньгами. Антон, прокомментировав ситуацию философской фразой "Что посеешь, то и пожнешь", тут же попал на "Красную площадь" и оставил Оле половину месячного бюджета на Доширак.

Самое интересное началось, когда очередь дошла до Саши – он, будучи человеком непредсказуемым, решил сыграть ва—банк. Он отважно кинул кубики и... выпала "Тюрьма". Маша, взвизгнув от радости, тут же потянулась за картой "Выход из тюрьмы", но Саша, игнорируя ее вопли, заявил, что хочет отсидеть положенный срок. "Это стратегический ход!" – гордо заявил он, чем вызвал у девушек приступ истерического смеха.

Впрочем, стратегический ход обернулся катастрофой. Пока он отбывал наказание за мнимые преступления, Маша, не выдержав, начала тайком выводить из игры его имущество себе. Ближе к концу игры, Саша с удивлением обнаружил, что владеет лишь жалкой "Житной улицей" и половиной "Шанхайской". Маша же, сияя от счастья, скупил все железные дороги и гордо носила титул "Железнодорожная Императрица". Игра закончилась полным разгромом Саши и триумфом женской стратегии и хитрости. Вечер завершился пиццей, примирительными объятиями и обещанием никогда больше не сажать Сашу в тюрьму (хотя бы в "Монополии").

После игры начались бурные обсуждения. Саша, несмотря на поражение, утверждал, что его жертва была необходи-

ма для поднятия командного духа, хотя никто, кроме него самого, в это не верил. Маша же купалась в лучах славы, восторженно рассказывая о гениальности своего плана. Оля и Антон, уставшие от эмоций, просто мечтали о тишине и покое. Маша, как самая расчетливая из всех, уже прикидывала, как потратит выигранные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.